

Линь Юаньюань сегодня была вне себя от злости.

Все вокруг казались ей невыносимо поверхностными. Как можно пускать слюни по какому-то заносчивому Альфе только потому, что он без лишнего шума приструнил десяток парней? Ведь Цзянь Сунъи куда привлекательнее! И в баскетбол играет в сто раз круче! И вообще, именно он поставил на место этого выскочку Хуанфу И, восстановив справедливость. К тому же Цзянь Сунъи такой тёплый, живой, яркий — настоящее солнце! Разве мог он уступить этой ходячей глыбе льда?

Что за поверхностный народ.

Просто злости не хватает.

Самого лучшего мальчика в мире она защитит сама!

Так официально зародился фан-клуб Цзянь Сунъи.

Приятным утешением стало то, что единомышленников набралось предостаточно, и каждый из них послушно отдал свой голос за Цзянь Сунъи. Но главным её трофеем стал потрясающий вице-президент. Новый соратник добавился с твинка в QQ и предпочёл скрыть настоящее имя, зато проявил невиданную щедрость: без лишних слов взял на себя все расходы на чай с молоком для активистов и рьяно поддерживал Сун-Суна. Раз уж ты любишь нашего милого Сун-Суна, мы с тобой теперь названные сёстры!

Линь Юаньюань с радостью добавила в контакты эту загадочную «сестричку» с ником «Б. С.» и аватаркой в стиле эмо-пабликов.

«Наш Сун-Сун — самый лучший! Завтра разобьёмся в лепёшку, но соберём голоса! Мы не должны позволить ему уступить этой ходячей глыбе льда!»

Бо. Ходячая. Глыба. Льда. Хуай: «...»

«Хорошо»

Отложив телефон, Бо Хуай устало потёр переносицу. Вспомнив о чём-то, он вдруг невольно улыбнулся.

Вообще-то он тоже считал этого мальчишку невероятно красивым. Сколько он себя помнил, ему ни разу не доводилось встречать кого-то привлекательнее своего соседа.

На следующее утро, едва сев в машину, Цзянь Сунъи тут же зажмурился и натянул капюшон на самую макушку, притворяясь спящим. Бо Хуай молча наблюдал за тем, как мелко подрагивают его ресницы и предательски краснеют мочки ушей, но выдавать его не стал.

Впрочем, Цзянь Сунъи действительно отчаянно хотел спать: прошлая ночь выдалась на редкость паршивой. Он ведь лёг пораньше, решив не забивать себе голову глупыми спорами с кучкой идиотов. Но чем дольше лежал, тем сильнее его разбирала злость. В итоге в половине третьего ночи он, окончательно взбешённый, вытащил из-под подушки телефон и с новыми силами ринулся в бой на школьном форуме.

Ему искренне не давал покоя один простой вопрос: где у этих людей глаза? С какого перепугу они решили, что Бо Хуай выглядит круче, мужественнее и привлекательнее?

"Это просто не поддаётся никакой логике! Невероятно бесит"

А уж когда он вспоминал, что Бо Хуай лично поймал его с поличным на форуме... Боже, теперь всё выглядело так, будто ему до смерти важна эта дурацкая победа. Словно он мелочный, закомплексованный и заиклившийся на ерунде павлин. От стыда и досады у него уши горели.

"За всю жизнь я ни разу не оказывался в столь идиотском положении! Лишнее доказательство, что нам с этим парнем категорически противопоказано находиться рядом"

Единственным утешением было внезапное появление преданной группы поддержки. Судя по всему, фанатов набралось немало, так что за исход голосования можно было особо не переживать.

Прокрутив эти мысли в голове до самого рассвета, он отключился только в салоне автомобиля. И проспал всю дорогу до школы, очнувшись уже за своей партой.

Бай Пиншань стоял за кафедрой и уже минуты три не отрывал взгляда от задней парты у окна.

Два барина, честное слово. Один безмятежно дрыхнет, другой увлечённо решает тест по естественным наукам. И хоть бы тень раскаяния отразилась на их лицах после вчерашней головомойки в кабинете директора!

Хорошо, что перед уроками Старина Бай догадался принять двойную дозу успокоительного, иначе его бы точно хватил удар.

Постаравшись придать голосу максимум олимпийского спокойствия и мягкости, он вкрадчиво произнёс:

— Бо Хуай, твой сосед в таком положении до конца уроков не дотянет. Сделай что-нибудь.

Бо Хуай оторвался от тетради, на секунду задумался, а затем стянул со спинки стула Цзянь Суньи его фирменный плед от Hermès и аккуратно укрыл спящего парня. После чего как ни в чём не бывало вернулся к задачам.

Бай Пиншань застыл с приоткрытым ртом.

"Я, по-твоему, за то, чтобы он не простудился, переживаю?!"

Ладно, дыши глубже. Педагог должен быть великодушным, сеять разумное, доброе, вечное. Главное, чтобы эти оболтусы принесли школе первое место на предстоящем экзамене пяти школ.

Резко отвернувшись к доске, чтобы лишний раз не портить себе нервы, учитель громко объявил:

— Так, класс, внимание! Кратко по планам на ближайшие дни. Двадцать восьмого и двадцать девятого числа у нас пройдёт совместный экзамен пяти школ. Всё будет организовано строго по правилам выпускного госэкзамена. Результаты пойдут в зачёт для квот на льготное поступление в вузы, так что отнеситесь к этому со всей серьёзностью.

По классу пронёсся унылый стон. Половина учеников тут же растеклась по партам.

— Тридцатого и тридцать первого числа все преподаватели будут заняты проверкой работ, — продолжил Бай Пиншань. — Уроков не будет, только самостоятельная подготовка. Пожалуйста, цените это время и соблюдайте тишину. Те, кто попадётся на нарушении дисциплины, будут зачитывать свои объяснительные на торжественной линейке перед всей школой!

— О-о-о-о...

— Прекратите ныть, слушать тошно! Соберитесь, до официального начала семестра осталось всего ничего. Первого числа на линейке всем быть строго в парадной форме. Смартфоны и доставку еды на территорию школы проносите хотя бы без лишней наглости. Я даю вам свободу, но не наглейте. Если попадётся на глаза Старине Пэну, проблемы будут и у вас, и у меня. Всем ясно?

— Я-а-а-асно...

— Оболтусы!

Ученики первого класса, хоть и отличались юношеским упрямством, самоуверенностью и вечно влипали в истории, на деле были ребятами толковыми. К учёбе они относились со всей ответственностью. Даже такой изнеженный молодой господин, как Цзянь Суньи, никогда не отлынивал от подготовки и исправно щёлкал сложные тесты один за другим. На самом деле

все они лишь притворялись бездельниками, поэтому Старина Бай не перегибал палку с контролем.

Перед важным экзаменом в классе действительно воцарилось относительное затишье. Единственным ярким событием тех дней стало публичное покаяние Хуанфу И у флагштока, к которому его принудил Цзянь Суньи.

— Я виноват! Глубоко виноват! Как Альфа, я не должен был выказывать... это самое... прибрежение в адрес Омега! Мы обязаны свято чтить гендерное равенство и уважать права каждого!

— Также я обязуюсь впредь не сквернословить и не поминать чужих родителей через слово! Как ученик Наньвая, я должен поддерживать престиж нашей школы! Сначала нужно стать достойным человеком, а уже потом — специалистом!

— И напоследок... Брат Сун — лучший! Брат Сун — краше всех! Брат Сун — истинный владыка этого мира! Твои глаза в минуты радости подобны ласковому солнцу в зените, а в минуты молчания — таинственной луне осенней ночью! Твои уста нежнее лепестков алой розы, а кожа бела, точно первый зимний снег! Твой благородный стан высок и строен, как вечнозелёная сосна на горном утёсе! В жизни своей я не встречал мужчины прекраснее...

Этот зубодробительный поток лести и высокопарных метафор растянулся без малого на десять тысяч слов. В самый разгар обеденного перерыва Хуанфу И стоял у школьного флагштока с мегафоном в руках и истошно, с надрывом, до хрипоты в голосе зачитывал свой покаянный манифест на глазах у сотен зевак.

Под угрозой хорошей взбучки от Цзянь Суньи и Бо Хуая ему пришлось смирить гордость. Пусть он и слыл задирой без стыда и совести, но всё же оставался обычным старшеклассником. Если бы дело дошло до исключения, его планы на учёбу за границей полетели бы к чертям, а разгневанный отец попросту спустил бы с него три шкуры. Так что, как бы ни скрежетало на душе, парню пришлось покорно зачитать всё до единого слова.

Впрочем, напоследок он решил подгадать своему мучителю: трибуна стояла прямо на перепутье между учебным корпусом, столовой и буфетом. Мимо ежеминутно сновали толпы учеников, и Хуанфу И надеялся, что Цзянь Суньи сгорит со стыда от столь помпезных дифирамбов.

План провалился. Пока оратор на трибуне багровел от натуги, виновник торжества внизу преспокойно грыз мороженое на палочке и с видимым удовольствием комментировал выступление:

— Не «прибрежение», чучело, а «пренебрежение». Ты экзамен по языку вообще сдавал?

— О, а вот это сравнение неплохое. И предложения подобрал грамотно, без повторов. Накину тебе

пять баллов за старание.

— Так, стоп. Какое ещё «нежнее лепестков розы»? Фу, звучит слишком слащаво. Перепиши эту строчку.

— И вообще, неужели я всего лишь «прекрасен»? И это всё, на что у тебя хватило фантазии?

Хуанфу И лишился дара речи.

"Имей хоть каплю стыда, придурок!"

— Ладно, — подвёл итог Цзянь Сунъи. — Давай теперь финальный аккорд. Начни прямо с «Брат Сун — лучший», но только на этот раз добавь искренности и чувств.

Хуанфу И сжал зубы.

"Да чтоб тебя..."

Мысленно сосчитав до десяти и убедив себя не поддаваться на провокации, он снова поднёс мегафон к губам:

— Брат Сун — лучший! Брат Сун — краше всех! Брат Сун — истинный владыка этого мира! Твои глаза...

Цзянь Сунъи удовлетворённо закивал и бесцеремонно схватил за руку проходившего мимо Бо Хуая.

— О, раз уж ты здесь, постой со мной. Давай вместе насладимся гласом народа.

Чжоу Сяоло, которому поручили запечатлеть это историческое событие на камеру телефона, лишь молча покачал головой.

"И почему мне кажется, что Брату Суну сегодня от силы года три?"

Почему великий и ужасный Бо Хуай, на лице которого крупным шрифтом было написано «я слишком крут для этого дерьма», действительно послушно остановился и принялся слушать этот бред — оставалось загадкой. Чжоу Сяоло спрашивать не рискнул. Своя шкура дороже.

Объединённый экзамен пяти школ считался главным событием года среди лучших учебных заведений Наньчэна. Помимо Школы иностранных языков в эту элитарную пятёрку входили Первая, Четвёртая, Седьмая и Девятая средние школы. Исторически сложилось так, что будущие стобалльники и победители олимпиад учились именно там, и лишь в последние годы Наньвай сумел потеснить старожилов, став единственным частным заведением в этом престижном списке.

Чтобы полностью воссоздать атмосферу реального госэкзамена, всех учеников случайным образом распределили по чужим экзаменационным центрам. Цзянь Сунъи повезло — жребий оставил его в родных стенах. А вот Бо Хуаю фортуна повернулась спиной: его распределили в Первую среднюю школу.

И надо же было такому случиться. Не в Четвёртую, не в Седьмую и даже не в Девятую, а именно в Первую — ту самую, откуда он ушёл.

В утро экзамена Бо Хуай уехал на семейном автомобиле прямиком в Первую среднюю, так что пересечься перед началом они не успели. Цзянь Сунъи успокаивал себя тем, что его сосед — парень взрослый и виртуозно владеет искусством сохранять невозмутимую мину при любых обстоятельствах. Уж как-нибудь справится с визитом в прошлое.

Однако стоило закончить первый экзамен по китайскому, как тревожные мысли вновь полезли в голову.

В конце концов, в случившемся тогда не было вины Бо Хуая, но для него это событие наверняка оставило глубокий шрам на сердце. Этот парень только казался бесчувственным роботом, а на деле его ранимая натура подмечала каждую мелочь. Что, если он столкнётся со старыми знакомыми? Что, если знакомые стены всколыхнут былые обиды, он разнервничается и завалит тест? Не попадёт в топ-5, получит выговор от руководства... И как тогда смотреть в глаза дедушке Бо?

"Да мне вообще плевать на его тонкую душевную организацию! Я просто не хочу, чтобы он пострадал из-за нашей нелепой сделки"

Кое-как убедив себя в благородстве собственных мотивов, он достал телефон и быстро набрал сообщение в WeChat:

«Я китайский написал просто блестяще. Так что соберись там и не вздумай опозориться, когда придётся прилюдно называть меня папочкой»

Бо Хуай прочитал это послание, когда мыл руки. Экзамен завершился полчаса назад, коридоры школы опустели, и в туалете стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь шумом льющейся воды.

Он скосил взгляд на вспыхнувший дисплей смартфона, сиротливо лежавшего на краю

раковины, и уголки его губ непроизвольно поползли вверх. Даже сквозь холодный экран мобильной сети он отчётливо видел, как отчаянно его ёжик пытается замаскировать заботу под грубость.

Бо Хуай закрыл кран, встряхнул мокрые ладони и потянулся к бумажным полотенцам. В этот момент его взгляд скользнул по зеркалу. Отражение заставило его замереть, а мягкая улыбка мгновенно исчезла с лица.

В дверном проёме стоял человек. Его силуэт наполовину тонул в густой тени неосвещённого угла. Он застыл на месте, не шевелясь и напоминая зловещий призрак.

Встретившись в зеркальной глади со взглядом Бо Хуая, незванный гость тихо, вкрадчиво произнёс:

— Всё-таки вернулся.

<http://bllate.org/book/20583/2130806>